

БРАТЬЯ - «УГОЛОВНИКИ»

О братьях Викентии и Петре Маркиш в детстве приходилось слышать от своей бабушки как об местных уголовниках, совершивших еще в начале 30-х годов убийство с грабежом какого-то заезжего парнишки. Долгими зимними вечерами бабуля Габриэля, уступая нашим настойчивым мальчишечьим просьбам, рассказывала много о прежней деревенской жизни. Среди прочего был и рассказ и о двух братьях, из-за лошади и денег покусившихся на убийство человека.

За долгие годы об этом преступлении, совершенном Винцуком и Петруком (так их в деревне называли), среди старожиллов сложилось устойчивое мнение как о чуть ли не единственном осуждении по справедливости. Более того, некоторые женщины говорили, что Маркиши за душегубство заработали по десять лет тюрьмы, а их мужья «запросто так» по какой-то неведомой им «политической» статье сгинули неизвестно где.

Верных сведений о судьбе братьев-уголовников в селе не знал никто. Только ходили слухи, что в как то лагере один из них был якобы разорван собаками при попытке к бегству, а другой свой срок отсидел и вернулся. Некоторое время жил в райцентре, а после уехал куда-то и след его затерялся. Возможно, что так бы эта легенда об уголовном прошлом двух моих земляков и оказалась бы не завершённой, если бы не новая волна реабилитации начала 90-х годов и обнаружение списков реабилитированных.

Неожиданно в этих списках среди других нашёл сведения и о братьях Маркиш, арестованных и осуждённых за чисто уголовное преступление. Прояснить метаморфозу в их судьбе помогло архивно-следственное уголовное дело под №8776, заведенное на них уже в местах заключения и хранящееся в настоящее время в архиве КГБ. Вот о чём поведали несколько десятков пожелтевших страниц, сшитых в один небольшой том.

Петр Матвеевич Маркиш, до ареста работавший десятником дорожного строительства Кривошеинского Дорстроя, отец шестерых детей и его младший и не женатый брат Викентий, были арестованы 5 и 6 мая 1937 года районной милицией по подозрению в убийстве. Районный суд 13 сентября признал их виновными и приговорил по уголовной статье № 166 к различным срокам заключения: Петра - к 10 годам ИТЛ, Викентия - к 8 годам лагерей с добавлением обоим по 5 лет поражения в правах. Для отбытия наказания они были направлены в томскую ИТК №1.

Каких-то других официальных сведений о мотивах и обстоятельствах совершенного братьями убийства, как и его доказанности, в этом деле не имеется, но зато довольно подробно описывается дальнейшая судьба братьев-уголовников, неожиданно для себя вдруг ставших «политическими».

Находясь в лагере, они без видимого повода в марте 1938 года были арестованы и препровождены в томскую тюрьму, где пути-дороги братьев через некоторое время разошлись: каждому уготована была своя судьба. В январе 1939 года Викентий Маркиш узнал, что считается теперь не как уголовник, а как «контрик», осужденный "тройкой" УНКВД по статье 58-6 (шпионаж) на те же 8 лет лагерей...

Изменение своего «социального статуса» в лагере его нисколько не устраивало и Викентий Маркиш из Верхотурского лагпункта № 1 в июле 1939 года пишет жалобу на имя прокурора СССР и просит разобрать его дело, утверждая, что неправильно осужден как по статье 58 УК РСФСР (контрреволюционные преступления), так и по статье 136 УК РСФСР (уголовные преступления).

В заявлении пишет, что никакого следствия и суда «гласного» по 58-й статье не было. В чем конкретно он обвиняется, ему неизвестно, и тут же наивно дополнит:

«...Неужели одно то, что я по национальности поляк, может служить моей виной в шпионстве? Кто я такой? Родился в 1909 году в семье крестьянина, в Польше никогда не был. С малых лет работал по найму. Последнее время работал в Томске грузчиком...».

Закончит свою жалобу просьбой освободить его из лагеря, так как его невиновность «ясно можно установить путем ознакомления с делом». Жалобе был дан ход, и «дело»

Викентия Маркиша было рассмотрено, но приговор «тройки» оставлен был без изменения, так как все «положенные» документы в следственном деле имелись.

В их числе - и протоколы допросов с признательными показаниями как самого Викентия, так и его брата Петра, да еще двух братьев Гавиловских, поляков из Тяжинского района Запсибкрая, так же, как и братья Маркиши, осужденных в 1937 году по уголовной статье на 8 и 5 лет, соответственно. Один из них работал бухгалтером, а другой - заведующим магазином... Допросы всех четверых составлены сержантом госбезопасности Крысовым. И если бы Викентий Маркиш мог сам ознакомиться со своим «делом», то прочитал бы в отношении себя и остальных обвинительное заключение следующего содержания:

"...В III часть ИТК № 2 на з/ка Маркиша П. М., Маркиша В. М., Гавиловского И. А. и Гавиловского П. А. поступили материалы о том, что они в лагере занимаются вредительско-шпионской деятельностью. Проведенным по данному делу расследованием установлено, что з/к (перечисляются фамилии. - Х.В.) организовались в к-р группу под непосредственным руководством и указанием Маркиша Петра Матвеевича. Проводили в ИТК шпионскую подрывную деятельность. Контрреволюционная шпионско-повстанческо-диверсионная группа проводила подготовительные работы к вооруженному лагерному восстанию с целью освобождения заключенных. Наряду с этим проводила подрывную шпионскую работу, а также распространяла среди з/к клевету и антисоветскую агитацию пораженческого характера, восхваляла фашистские капиталистические страны. Допрошенные обвиняемые (перечисляются фамилии. - Х. В.) виновными себя признали. На основании вышеизложенного (перечисляются фамилии братьев. - Х В.) обвиняются в преступлении, предусмотренном ст. 58-2- 6-9-11 УК РСФСР. На основании ст. 208 УПК следственное дело подлежит направлению начальнику 3-го отделения ОМЗ УНКВД по НСО для последующего направления по подсудности. Вещественных доказательств нет. Обвиняемые содержатся в томской тюрьме.

Оперуполномоченный 3-го отделения ОМЗ УНКВД сержант госбезопасности Крысов. Составлено 30 марта 1938 года».

Подпись.

Как и ожидалось, итог следственного усердия сержанта Крысова, изложенный в составленном им обвинительном заключении, без всяких замечаний утвердил его непосредственный «шеф» - начальник 3-го отделения ОМЗ (отдела мест заключения) младший лейтенант госбезопасности Парфенов и отправил дальше по подсудности... «Тройка» УНКВД в своем заседании 2 ноября 1938 года решила судьбу «уголовно - политических» братьев следующим образом: Петра Маркиша и Петра Гавиловского приговорила к расстрелу, а их братьям оставила прежний срок заключения в 5 и 8 лет лагерей. 21 ноября 1938 года первые были расстреляны, а вторые возвращены вновь обживать «архипелаг ГУЛАГ».

Судьба, можно сказать, была более милостива к Викентию Маркишу по сравнению с его братом и в дальнейшем. Он не превратился за 8 лет отсидки в лагерную пыль. В 1945 году был освобожден и возвратился в Кривошеинский район. В 1951 году к нему, в отличие от многих бывших эков, не была применена директива МГБ и Прокуратуры СССР № 66/241-ее, согласно которой выпущенные на свободу политические заключенные вновь подвергались аресту и вторичному осуждению.

Рассматривающие его дело сотрудники 2-го отдела УМГБ по Томской области ст. лейтенант Нехорошев и подполковник Калентьев решили к Викентию Маркишу вышеозначенную директиву не применять «за недостаточностью материалов». Выходит, что еще до реабилитации сомневались в его виновности...

Жил Викентий Маркиш тихо и незаметно, работал конюхом в районном Добровольном пожарном обществе. О судьбе своего старшего брата, как видно, не знал, о своей реабилитации не хлопотал. С односельчанами разговаривал мало и неохотно, да и те его не очень-то жаловали. Для них он по-прежнему оставался уголовником.

Вновь вернулись к его делу лишь в начале 1963 года, когда в «органы» обратилась с заявлением жена Петра Маркиша Акулина Павловна, проживающая в городе Новосибирске. В заявлении просила сказать ей о судьбе мужа, разобрать его дело, если невиновен - оправдать и выслать ей справку для получения пенсии. Только тогда в отношении братьев Маркишей начался реальный пересмотр дела.

6 марта 1963 года в адрес начальника УКГБ по Новосибирской области полковнику В. М. Ситнову поступило отношение от старшего помощника военного прокурора СибВО полковника юстиции Циханского, в котором он в соответствии с постановлением о возобновлении производства дела на Маркишей по жалобе жены одного из них и просил произвести дополнительное расследование. И далее конкретно в 5 пунктах изложил свою просьбу. Вот только два из них:

«4 - Прошу установить местонахождение в данное время Маркиша и Гавиловского и допросить их по существу предъявленных им в 38 году обвинений. Если они эти показания не подтвердят, то выяснить, в силу каких причин они свои показания, данные ими в 38 году, в данное время не подтверждают.

5 - Прошу проверить наличие компрометирующих материалов на лиц, которые проводили расследование по данному делу в 38 году., т. е. на сержанта ГБ Крысова и мл. лейтенанта ГБ Парфенова, в части нарушения ими соцзаконности при расследовании уголовных дел в 37-38 годах и, в частности, по данному делу, и как был решен вопрос об ответственности этих лиц. Если Маркиш и Гавиловский при допросах дадут показания о применении в отношении их незаконных методов и приемов следствия, то нужно будет истребовать объяснения от Крысова и Парфенова».

Для выполнения этого поручения сотрудниками следственного отдела КГБ была проведена необходимая работа: сделаны запросы в соответствующие архивы по факту причастности Маркишей и Гавиловских к агентуре иностранных разведок, произведен поиск оставшихся в живых обвиняемых и их бывших следователей. Гавиловский Иван в результате поисков найден не был, а вот Маркиша Викентия нашли и 8 апреля 1963 года допросили. В ходе допроса он подтвердил суть своей жалобы, написанной еще в 1939 году, и дал следователю пояснения о методах допроса его сержантом Крысовым. В частности, сказал, что подписать протокол допроса он заставил обманным путем: сначала несколько дней продержал в камере голодными, а затем привел в свой кабинет.

«В кабинете на самом видном месте, - писал в своих показаниях Маркиш, - в корзине находились сайки, колбасы, водка. Перед тем, как допросить, нам объявили, что мы должны подписать показания, так как этого требуют партия и правительство. И судьба наша не зависит от того, признаем мы себя виновными или нет. Нам все равно пришлют наказание, а если мы подпишем и признаем себя виновными, то тогда нам дадут хороший обед... При нас никаких записей следователь не делал и никаких показаний я не давал...".

Примерно то же самое указывал в своей жалобе на следователя и Гавиловский Иван из мест заключения. Были получены также необходимые сведения на работников НКВД, сфабриковавших в свое время обвинения на Маркишей и Гавиловских. Начальник 3-го отдела ОМЗ Парфенов Василий Алексеевич работал в этой должности с февраля 1938 года по март 1940 года. Затем был перемещен на должность начальника Новосибирского отделения УИТЛ (управление исправительно-трудовых лагерей), откуда был уволен 15 ноября 1940 года как «не обеспечивающий руководство отделением и за отказ переехать на другую работу».

Найти его не удалось, а вот бывшего сержанта Крысова нашли и сообщили, что Крысов Александр Фадеевич (1904 года рождения, член КПСС с 1929 года, пенсионер) проживает в Томске по пер. Даниловскому, 10, кв. 4.

Начальник следственного отдела Томского КГБ полковник Ионов 3 мая 1963 года лично взял у Крысова свидетельские показания. Этот короткий «диалог» бывшего чекиста

со следователем КГБ интересен во многих отношениях и стоит того, чтобы его привести полностью лишь с небольшими малозначимыми сокращениями:

"Вопрос следователя: «С какого времени вы работали в органах НКВД?».

Ответ: «С 35 по 47 год я работал оперативным уполномоченным 3-го отдела управления Сиблага НКВД».

Вопрос: «В 37-38 годах вели вы в лагерях расследование по делам на лиц, обвинявшихся в совершении к-р деятельности?».

Ответ: «Да, по таким делам вести расследование мне приходилось».

Вопрос: «Какие нарушения соцзаконности вами тогда допускались?».

Ответ: «Никаких нарушений соцзаконности по делам в ходе следствия я не допускал».

Вопрос: «Помните, вы вели расследование по делу братьев Маркишей и Гавиловских?».

Ответ: «Расследование мне приходилось вести по многим делам, и поэтому сейчас не помню, вел ли дело на Гавиловских и Маркишей.»

Вопрос: «Вам предъявляется для обозрения уголовное дело по обвинению братьев Гавиловских и братьев Маркишей. Скажите, на основании каких данных вы их арестовали?».

Ответ: «Ознакомившись с указанным делом, я заявляю, что совершенно не помню, какие в то время были у меня материалы на Маркишей и Гавиловских. Но думаю, что какие-то данные, возможно секретные, имелись, и поэтому я их не приобщил к делу».

Вопрос: «Вам предъявляется протокол допроса Маркиша Викентия от 8 апреля 63 года. Что вы теперь скажете?».

Ответ: «Я сейчас не помню, каким порядком вел расследование по этому делу».

Вопрос: «Маркиш показал, что протокол его допроса вы сами сочинили и путем обмана заставили его подписать. С содержанием протокола вы его не знакомили. Такой «порядок» следствия вами применялся тогда?».

Ответ: «Я еще раз заявляю, что совершенно не помню Гавиловских и Маркишей, не помню, каким порядком вел дело по их обвинению, но утверждаю, что фальсификацией следственных документов за время своей работы в лагерях не занимался...».

Думаю, что следователю Ионову было все ясно и без этого допроса, так как на следующий день уже было утверждено его заключение по делу братьев «уголовно-политических». В своем заключении по материалам дополнительного расследования отметил, что указанные против братьев обвинения не подтверждаются, и полагал бы постановление «тройки» УНКВД в отношении их отменить за отсутствием события преступления, что и было сделано определением ВТ СибВО от 24 мая 1963 года.

